

Глава 31: Где твой мужчина?

Столовая реабилитационного центра освободилась, шеф-повар использовал большую кастрюлю для варки имбирного супа, рядом с ней стоит пароварка для приготовления булочек на пару.

После такой волнующей ночи все, замёрзшие и проголодавшиеся, спокойно пили имбирный суп и жевали булочки на пару.

Только старик Чэнь, просыпающийся время от времени, плакал и выл: "Моя корова", люди вокруг него громко кричали на него.

"Твоя корова, твоя корова, почему бы тебе не позволить камню раздавить тебя, чтобы ты мог сопровождать свою корову, ты чуть не утащила дядю Цая за собой."

"Вы должны благодарить Бога, что камень оказался рядом с вами и дядей Цаем, никого не задев."

"Это все добродетель дяди Цая. Когда Бог благословил его, он, заодно позаботился о старике Чэне. Он был возвращен к жизни светом дяди Цая."

Старик Чэнь дважды всхлипнул, пытаясь защититься, но прежде чем он успел заговорить, он наткнулся взглядом на маленького мальчика рядом с бабушкой Цаем, внезапно закрыв рот.

Он знал Лу Жуну и увидел, что обычно мягкий, похожий на пельмень ребенок, смотрит на него с ненавистью. Казалось, что если он скажет еще хоть слово, то тот бросится на него.

Старик Чэнь проснулся и понял, что чуть не утащил с собой чужого бабушку, в глубине души он чувствовал себя виноватым. Он отвел взгляд и сжался в комочек, не смея больше издавать ни звука.

Над головами двух каменных львов у входа в зал на боку лежали курицы, в то время как свиней, коров и овец загнали в вестибюль на первом этаже.

Эти животные, казалось, знали, что столкнулись с катастрофой, все они тихо улеглись, ведя себя удивительно послушно. Даже непокорные свиньи были намного дисциплинированнее, они лишь холодно смотрели на окружающих их людей.

Бабушка Цай выглядел намного лучше. Он сидел в кресле, отдыхая. Видя, что Лу Жуну время от времени смотрит на старика Чэня, он коснулся его головы и прошептал: "Малыш, оставь его в покое."

"Так ты теперь заботаешься о нем?" — Лу Жуну все еще был немного напуган, вспоминая ту

сцену, его глаза покраснели.

"Дедушка — деревенский староста, это работа дедушки," — дед Цай терпеливо объяснил.

Лу Жун обиженно скривил губы: "Тогда не будь деревенским старостой."

"Я понимаю, дедушка скоро перестанет быть деревенским старостой," — сказал дедушка Цай.

Лу Жун не ожидал, что дедушка Цай скажет это, поэтому на мгновение был ошеломлен, спросив: "Правда?"

"Правда."

"Не будешь выращивать лекарства и ездить в другие деревни, чтобы что-то делать?" — Удивленно спросил Лу Жун.

Дед Цай улыбнулся и сказал: "Я больше не буду, просто останусь со своим внуком."

Лу Жун больше ничего не спрашивал и медленно лег на колени дедушки, позволяя ему касаться своего затылка.

Он подумал, что дедушка слишком устает каждый день, и хорошо, что он больше не будет старостой.

В тишине в его ушах раздавались звуки храпа, Лу Жун не мог не оглянуться и увидел мастера Хуна в монашеский рясе, спящего на скамье, под его ногами лежало несколько цыплят с завязанными крылышками.

Когда он увидел мастера Хуна, тут же вспомнил о замужестве на Шэнь Цзицзе и спрятался рядом с дедушкой, испытывая чувство вины.

Наконец, успокоившись, кто-то начал пересчитывать вещи, которые оювзчл из дома. Другие последовали его примеру, в столовой послышались негромкие вопросы и шорох.

Увидев это, дед Цай также спросил: "При тебе сверток, который я тебе дал?"

Лу Жун снял свое демисезонное пальто и школьную сумку, собираясь достать оттуда сберкнижку. Дед Цай остановил его и сказал: "Пусть будет здесь, не вынимай, будь осторожен, чтобы не потерять."

Но Лу Жун все равно сунул руку внутрь, потрогал сберкнижку и стопку незакрепленных чеков,

а затем просунул руку во внутренний карман, чтобы дотронуться до квитанции, которую прислал ему Шэнь Цзицзе.

Он прикоснулся пальцами к твердой бумаге и нежно потер ее, чувствуя, что, если бы гэгэ был рядом с ним, он бы был счастлив.

Он очень скучает по-своему гэгэ.

Группа деревенских детей оправилась от испуга. Они еще не познали боли от потери своего дома. Они только собрались вместе, чтобы взволнованно рассказать о захватывающей сцене, когда гора начала рушиться.

"Лу Жун, иди сюда," — какой-то ребенок поманил Лу Жуну рукой.

Лу Жун быстро покачал головой.

"Давай, иди поиграй с этими детьми," — дедушка Цай увидел, что он не в лучшем настроении, тоже начал уговаривать его.

"Я не хочу уходить," — Лу Жун вынул руку из своей школьной сумки и снова положил на колено дедушки.

Сяо Гао завил хвостом рядом с ним, шумя "пончо". Только тогда Лу Жун вспомнил, что на нем все еще висел пластиковый пакет, он быстро снял его.

Другие собаки в деревне превратились в бульдогов, дрожа, лежа у ног своих хозяев, только Сяо Гао выглядел сухими и энергичными.

"Дядя, что нам делать?" — Мужчина средних лет с печальным лицом наклонился к дедушке Цаю и спросил.

Он боялся, что его услышат другие, его голос был очень тихим.

"Не волнуйтесь, правительство позаботится о нас," — сказал дед Цай.

"Когда правительство позаботится о нас?"

Дедушка Цай немного подумал и сказал: "Скоро, я думаю в течение двух дней."

В результате еще до полудня к центру реабилитации подъехала железнодорожная колонна, из нее выпрыгнули несколько солдат.

Солдаты ненадолго собрались, после чего потрусили в деревню под предводительством молодых деревенских кадров.

Лидер группы расспросил дедушку Цая о подробностях, остальные же пошли к машине, чтобы разгрузить и унести мешки с припасами.

Когда деревенские увидели приближающуюся армию, успокоились, не так сильно боясь, у них тоже хватило ума поговорить друг с другом.

"Приехало правительство, может быть, оно построит для нас дом."

"Хорошо, хорошо, нам дадут мебель?"

"Я думаю, компенсируют деньгами..."

"Моя мебель из розового дерева была унаследована от предков, я не могу заменить ее в отличие от вас."

"Убирайтесь отсюда, босс Цзян, та ненужная мебель в зале предков превратилась в очень важную мебель?"

"Он даже не знал, что такое розовое дерево, знает только о диких абрикосовых деревьях на заднем склоне горы. Каждый год он собирал абрикосы и ел их, когда они были еще зелеными."

"У ленивого осла хорошие зубы."

"Кто тут осел? Кого ты называешь ослом?" — Босс Цзян вскочил.

"Разве я не могу назвать вон того осла ленивым?"

"Ладно, ладно, перестань спорить, хорошо быть ослом, ни о чем не беспокоящимся."

...

Во второй половине дня дождь прекратился.

На строительной площадке были установлены палатки для оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий, некоторые люди использовали вынесенные кастрюли и сковородки для приготовления пищи на открытом пространстве, повсюду поднимался белый дым.

Что бы ни случилось, людям всегда нужно сначала поесть. Более того, жители деревни считали, что просто так питаться в столовой на стройплощадке неуместно, а лапша быстрого приготовления, которую привозит конвой, некрасива и невкусна, поэтому они готовят сами.

Лу Жун и дедушка Цай ели в столовой. Поскольку рабочие знали их и ели свинину от Цая, они дали им небольшую плитку на двоих.

После того, как дед Цай поблагодарил их множество раз, он усадил Лу Жуна.

После еды дедушка Цай поболтал с группой рабочих. Лу Жун не мог усидеть на месте, поэтому вышел поиграть на улице.

В комнате рабочий утешал деда Цая: "Дядя Цай, это не займет много времени, деревня Лунцюань скоро будет отстроена. Не волнуйтесь, правительство уже здесь."

Дедушка Цай вздохнул: "Деревня Лунцюань не будет восстановлена."

"Не будет?" — Рабочие посмотрели друг на друга.

Дедушка Цай тихо сказал: "Гора Лунцюань должна стать туристической достопримечательностью, деревня входит в план реконструкции. Правительство давно просило нас переехать, но многие люди прожили здесь всю свою жизнь и не хотели уезжать."

Один рабочий изумленно сказал: "Разве не лучше уехать? Честно говоря, деревня Лунцюань слишком бедна, поэтому жителям деревни следует уехать и посмотреть мир. Мы прожили здесь несколько месяцев и до сих пор не привыкли к местности, но проект вот-вот будет завершен, так что мы тоже уедем."

Дед Цай положил палочки для еды, которые держал в руке, и продолжил: "Разве это не так? У нас везде неудобно. Молодые люди не хотят возвращаться, когда уезжают из деревни, остаются старики и дети. В этом месте нет никакого способа заработать деньги, поэтому я полагаюсь на выращивание лекарств. Первоначально правительство заявило, что переведет нас всех в деревню Юлу, расположенную рядом с городом. Земля и климат подходят для посадки фруктовых деревьев, мы можем нанять специалистов для обучения. Но многие люди прожили здесь всю свою жизнь и не хотят уезжать."

Рабочий наполнил стоявший перед ним бокал вином и сказал: "Теперь, когда деревни больше нет, они должны спуститься с горы, верно?"

Дедушка Цай заговорил после долгого молчания задумчивым голосом: "Последние несколько лет я работал над мнением жителей деревни, но я не могу заняться их переселением. На этот раз я действительно должен покинуть это место."

Работник утешительно сказал: "Люди живут и умирают, лучше уехать. Кроме того, деревня Юлу находится недалеко от города, дети должны учиться в городской начальной школе. Качество преподавания в городской школе в несколько раз лучше, чем в деревне, и в школу удобно ходить, не нужно идти по горам и полям. Кроме того, за вашей деревней стоит большая гора, она небезопасна, даже если ее отстроят заново, что, если что-то подобное сегодняшнему повторится?"

"Что есть, то есть," — после того, как дед Цай закончил говорить, он взял стакан и выпил его полностью.

Пряный напиток попал ему в горло, он нахмурился и закрыл глаза, как будто обжегся. Работник поспешно приготовил для него бутерброд с овощами: "Ешьте овощи, ешьте овощи быстрее."

Дедушка Цай закрыл глаза и махнул рукой, показывая, что в этом нет необходимости. Рабочий хотел попробовать уговорить его, но человек, стоявший рядом с ним, подталкивая, одними губами произнес что-то дедушке Цаю.

Дед Цай подпер лоб руками, его губы неудержимо задрожали, и поток слез хлынул из его глаз, скатываясь по морщинам на коже.

Он то и дело поднимал руку, чтобы вытереть слезы, улыбаясь, как бы объясняя: "Это вино слишком крепкое."

"Да, да," — рабочие замолчали.

Лу Жун вышел из ворот столовой, и Сяо Гао, который гонялся за другими собаками, увидев его, бросился кубарем.

Лу Жун присел на корточки и пальцами расчесал растрепанную шерсть у него на спине.

"Дитя, где твой мужчина?" — Внезапно вокруг него раздался знакомый голос, заставивший Лу Жуну замереть всем телом.

В поле зрения появился темно-коричневый подол монашеской рясы, мастер Хун, приседая на корточки, чтобы дотронуться до Сяо Гао, продолжил спрашивать: "Ваш человек вернулся в город?"

Лу Жун в отчаянии закрыл лицо руками, притворяясь, что его приняли за кого-то другого.

"Не скрывай этого, я узнал тебя давным-давно, внук дяди Цая." — Мастер Хун почесал Сяо Гао за подбородком: "Деревня исчезла, может ли твой человек вернуться и найти тебя? Вы двое вот-вот расстанетесь."

Лу Жун внезапно поднял голову: "Почему это не сможет найти? Деревню снова отремонтируют, и он приедет навестить меня во время зимних каникул."

Служитель Хун сказал: "Трудно, вокруг так много красивых маленьких девочек, что он быстро забудет тебя."

Лу Жун сердито встал и крикнул: "Сяо Гао, пошли, не обращай на него внимания."

Сяо Гао уютно прищурился, но, услышав эти слова, стряхнул руку мастера Хуна, почесывавшую подбородок, и быстро прислонился к Лу Жуну.

"Ты торопишься," — сказал мастер Хун.

"Нет."

"Твое сердце пусто."

"Нет."

Лу Жун развернулся и пошел обратно в столовую, пройдя два шага, снова остановился, подбежал обратно и прошептал: "Мы не расстанемся, он меня не забудет."

Немного подумав, он сказал: "Я выгляжу лучше, чем эти маленькие девочки."

Служитель Хун только закрыл глаза и сказал: "Амитабха (1)."

[Амитабха или Амита Будда — один из почитаемых махаяны, принимает под свое покровительство, искренне верящих в него. Здесь, вероятнее всего, Хун просит благословение для этих детей.]

Его внешний вид был настолько раздражающим, что Лу Жун фыркнул и вошел в дом один.

Мастер Хун улыбнулся и прикоснулся к своей лысой голове, затем достал фарфоровый таз и начал с палкой просить милостыню.

"...Шшш, еще два куска мяса."

Лу Жун вошел в столовую и увидел цыплят мастера Хуна, лежащих на скамейке со связанными крылышками. С блеском в глазах он поймал цыпленка, развязал полоски ткани на их крылышках и выгнал их из столовой.

Цыплята, освободившись, радостно бегали между палатками. Лу Жун сложил руки вместе и закричал: "Мастер Хун, это ужасно, ужасно, все ваши цыплята пропали."

Служитель Хун повернул голову и посмотрел, ему уже было плевать на сбор подаяния. Фарфоровый таз был поставлен на каменный постамент рядом с ним, он обругал Лу Жуна, называя его плохим мальчиком, ловя бегающих вокруг цыплят.

Лу Жун некоторое время смотрел на него с улыбкой, и когда он увидел, что тот смущенно бежит направо и налево, наконец, почувствовал себя комфортно.

В течение следующих нескольких дней все жили в палатках, каждый день после обеда ходя в столовую на собрания.

Вначале выступали руководители, прибывшие для оказания помощи в случае стихийного бедствия, руководители округа, мэр города и деревенский староста дедушка Цай, позже жители деревни начинали свободно говорить, иногда возникали жаркие споры.

Лу Жун сидел на корточках на земле, играя с муравьями, когда увидел пожилую леди семьи Ван, выбегающую из столовой с вещами, крича, что она умрет на развалинах старого дома, но остальные тут же быстро оттащили ее.

В это время группа детей стояла и наблюдала с любопытством, пока родители не прогоняли их прочь. Лу Жун не хотел идти с ними ловить кур и собак, поэтому выводил Сяо Гао гулять туда и обратно.

Спустя два дня такого шума, проходя вновь мимо столовой, он заметил, что жители деревни значительно успокоились, спрашивали, что им делать с собственными полями.

Когда он вернулся после нескольких кругов, то увидел, что все пишут что-то на листе бумаги, обсуждая плату за размещение и тому подобное. Лица выглядели очень довольным, некоторые люди даже улыбались и раздавали сигареты окружающим.

Но все это его не интересовало, и он вернулся в маленькую палатку, где они с дедушкой жили.

После десяти часов вечера он заснул на койке, не зная, когда дедушка Цай вернется со встречи.

На следующее утро Лу Жуна разбудил какой-то шум.

Ревели несколько машин, кто-то звал своих детей, время от времени издавали звуки свиньи, коровы и овцы.

Сяо Гао давным-давно проснулся, наострил уши и лег на землю рядом с койкой, неотрывно глядя на дверь палатки.

Он проснулся в оцепенении и обнаружил, что снаружи еще не рассвело, он был единственным в палатке, неизвестно, где был дедушка Цай.

Лу Жун поспешно оделся, обулся и вышел из палатки.

В какой-то момент он увидел еще несколько автобусов на открытом пространстве, жители деревни выстраивались в очередь, чтобы сесть в автобус, а солдаты загоняли животных в грузовики.

Деревенский ребенок протер глаза и прошел мимо, Лу Жун окликнул его: "Дан-гэ, куда они направляются?"

Дан сказал: "Я не знаю, моя бабушка велела мне встать, говоря, что скоро я буду жить в городе."

"Ой..." — Лу Жун, казалось, понял.

Он увидел в толпе занятого деда Цая, приказывающего людям садиться в машину по отдельности, не паникуя, он встал перед палаткой и наблюдал.

Работник у входа в столовую принес две горячие булочки и позвал его: "Лу Жун, иди позавтракай."

Лу Жун обернулся: "Я еще не почистил зубы и не умылся."

"Почему ты так заботишься об этом, парень? Иди в переднюю часть дома, там есть раковина."

Другой рабочий улыбнулся: "Лу Жун вот-вот станет городским мальчиком, конечно, он очень разборчив."

"У меня нет зубной щетки, она все еще дома," — повторил Лу Жун.

Шеф-повар в столовой вышел с новой зубной щеткой: "Здесь есть новая щетка, иди умойся."

Лу Жун встал перед раковиной, чтобы почистить зубы, в глубине души начиная обдумывать слова рабочего. Почему он говорит, что скоро он станет городским мальчиком? Неужели он больше не нужен в деревне?

Лу Жун перестал чистить зубы и ошеломленно уставился на белоснежную раковину.

Автобусы один за другим покидали строительную площадку и следовали по извилистой дороге вниз с горы. Когда машины проезжали мимо въезда в деревню, раздавались крики, все смотрели на свои бывшие дома со слезами на глазах.

В этих руинах похоронены их детские воспоминания, сладость ночи при свечах в пещере и радость от рождения ребенка. Это была не груда обломков и щебня, а вся их жизнь.

Даже самый сильный человек в то время плакал, задыхаясь.

Дедушка Цай отослал последний автобус, уладив все последующие вопросы, позвал Лу Жуна, присел на корточки и сказал: "Жун-Жун, хотя корни дедушки на горе Лунцюань, теперь их больше нет, мы направимся к подножию горы." — Он снова коснулся ног Лу Жуна и сказал с улыбкой: "Корни моего ребенка тоже исчезли."

Его лицо было обращено к солнцу, в его водянистых, полных света глазах, насильно подавлялась печаль.

Лу Жун посмотрел на деда, обнял его руками за шею, прижался лицом к его лицу и через некоторое время прошептал: "Дедушка, у меня есть корни. Где ты, там и мои корни."

Дедушка Цай, казалось, на мгновение опешил и медленно обнял маленькое тельце. Через некоторое время он улыбнулся и покачал головой: "Жун-Жун, дедушка прожил долгую жизнь, и он не так хорош, как ты."

Закончив говорить, он встал, держа Лу Жуна на руках, поцеловал его в макушку и сказал: "Мой малыш прав, где дедушка, там твои корни. Пока ребенок со мной, у дедушкиных корней будет почва, пока мы вместе, у нас может быть дом, где угодно."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326860>